

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

I. Моя родина

Я родился 13 сентября 1892 года.

Село Богатырево, где я родился, находится в 30 верстах от берега Волги на границе Цивильского и Ядринского уездов. От Богатырева до Ядрина 75 верст, до Цивильска всего лишь 10. Поэтому крестьяне нашего села только по необходимости ездили в свой уездный город Ядрин. По этой же причине в 1922 году волость нашу Чебаевскую, отнесли к Цивильскому уезду.

Цивильск издавна был ближайшим экономическим центром для нашей местности. Это — самый захолустный городок по всему Чувашскому Заволжью. Однако в ней каждую неделю бывает довольно значительный однодневный базар и в году один раз трехдневная ярмарка. Ярмарку эту можно назвать чисто чувашскою. Это и понятно: она собирается почти в центре главной страны чуваш — нынешней Чувашской Автономной области. Торговый оборот ярмарки очень невелик, и он является весьма характерным показателем экономики нашей местности.

Собственно говоря, экономики у нас нет, выражаясь языком местных работников. Страна наша земледельческая. Но она уже захвачена щупальцами капитализма. Эти щупальцы пробираются к ней главным образом с трех сторон: по Волге от Нижнего и Казани и по железной дороге со стороны Алатыря от центрального промышленного района. При таком географическом положении через наш край проходит полоса мертвой экономической зоны.

Вот моя родина. Бедный край. Есть ли у него пер

спективы? Может быть и есть. Но я люблю мою родину, как свою родную бабушку, которая преждевременно постарела от тяжелой невзгодами жизни.

II. Мое детство

Мне мило мое детство.

Я любил свою деревню, улицу, свой дом, небольшой садик в огороде. Как теперь помню наших домашних четвероногих обитателей, в особенности Камборку — нашу большую черную собаку и Машку — добрую серую кошку. Это были мои друзья.

Летом мы с товарищами бегали в соседний лес, купались в речке, забирались в ржаное поле или ловили на лугу бабочек. В продолжение лета мы ездили в ночное, играли в хороводе, работали на покосе, на жнитве и бывали раз или два на чувашских свадьбах.

Зимой соседи наши нередко собирались у нас на улахи (посиделки). Бывало, сидят девушки и парни, улах делают, работают, сказки слушают, песни поют. Девушки вышивают, прядут. Парни чинят сбрую, плетут лапти, корзины, ткут рогожу. Станет скучно — появится музыка, и начнут молодые люди плясать. Весело зимой на улахе.

В детстве у меня были и свои забавы. Однажды — я тогда был еще маленький — мы с одним товарищем устроили «телефон». Мы свили предлинную тонкую веревку, провели ее через двор в дом моего товарища. Но увы. Сколько мы не кричали друг другу по телефону, однако ничего не слышали. Больших мы уверяли, что все слышим. Мы мешали брату учиться, и он снял наш телефон.

Брат мой в то время ходил в школу. От него я усвоил первые уроки грамоты. Механизм чтения я усвоил довольно быстро, но прочитанного не понимал, потому что книги были русские. Однако мне очень хотелось показать свои грамотейские успехи. Раз за ужином я стал изо всей мочи изощряться в произношении зазубренных слов из русского букваря, примерно таких: бря, мря, зря, дря... Все покатались со смеху. Но отец рассердился, потому что я допустил за столом непозволительную выходку. Меня выгнали из-за стола. Мне стало обидно, потому что, как мне казалось, никто не оценил моего подвига: шутка ли так блестяще усвоить чужую грамоту. Я заплакал. Это было первое и последнее наказание, кото-

рое я получил от моих родителей в детстве. Вообще в нашей семье не наказывали. Мама говорила, что дети которых наказывают, никогда не бывают умными. Этого было достаточно, чтобы ни брат, ни сестры не смели меня обижать.

Когда мне исполнилось 8 лет, я поступил учиться в свою сельскую одноклассную школу. Одиннадцати лет я окончил ее, и, мне кажется, вместе с тем прошло и мое детство.

III. В двухклассном

Учение в двухклассном отрывало меня от родительского дома на целые недели, потому что с. Икково, где было училище, находилось в 12 верстах от нашего села и мне приходилось жить вместе с моими товарищами на квартире у какого-нибудь икковского крестьянина.

Учение как учение. Оно не представляло ничего особенного. Но мы учились в революционные годы. Как теперь помню: повсюду начались крестьянские волнения. Нам было известно, что недалеко от нас в некоторых деревнях произошли столкновения крестьян с полицейскими отрядами. Мы по несколько раз в день собирались кучами, пели революционные песни, объявили бойкот законоучителю и один раз, когда выпал первый снег, окружили его дом всей школой и бомбардировали снежками. После рассказывали, что опешивший поп спрятался в подполе и просидел там до вечера, а ночью поскакал в Чебоксары жаловаться начальству.

Однажды ночью к школьной сторожихе, у которой я проживал на квартире, постучались мужики. Мы все сразу почувствовали какую-то тревогу. Мужики нам сообщили, что в школе и квартирах наших учителей производят обыск. Мы наскоро оделись и гурьбой побежали к школе. Шел снег и было темно. Навстречу, задыхаясь, бежал один знакомый мужик. Мы его остановили. Бежавший рассказал нам в отрывистых фразах, что к школе не допускают, а нашего заведующего, Беляева, арестовали: «Вот сейчас только вытащили Николая Федоровича из квартиры в одном нижнем белье... посадили на сани и хотели увезти. Но он потребовал, чтобы ему дали одежду...» Мы стремительно бросились к школе, но опоздали. Беляева увезли. После мы узнали, что он сидит в Цивильской тюрьме.

Весною, перед роспуском учеников, уволили другого нашего учителя Ф. Н. Николаева (ныне секретарь Чу

вашского бюро при ЦК КП(б). На прощание он долго беседовал с нами. Последними его словами к нам были: «Учитесь и стойте за народ. Когда-нибудь встретимся». Многие из нас плакали. С пением революционных песен мы проводили его из села. После отъезда Ф. Н. мы приуныли. От нас отняли наших любимых учителей. Вновь назначенных учителей мы не любили и учиться нам не хотелось.

Через год мы окончили курс и довольно успешно. Может быть мы приобрели немного знаний, но зато приобрели немного и революционного духа.

IV. В Симбирскую школу

Осенью 1908 года я поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу. Пред этим отец мне говорил: «Поезжай, сынок, учись. Только с меня не взыщи: сумеешь поступить на казенный счет — твое счастье, не сумеешь — денег у меня нет». Однако отец на самом деле не был таким безучастным родителем. Средств у нас действительно не было. За мою участь отец волновался даже больше, чем я сам. Он сам повез меня в Симбирск и был потрясен от радости, когда узнал, что меня приняли на казенный счет.

Дух воспитания в чувашской школе был совершенно своеобразный. Знаменитый основатель школы Иван Яковлев с самого начала завел такой порядок: в школу принимали только детей крестьян, а кто поступил, тот должен был не только учиться, но и работать.

Обычно трудовой день проходил так. Вставали в 6 утра, в 7 завтракали, в 8 начинались уроки. Дежурные ученики убирали в спальнях, чистили картошку для кухни, качали воду, чистили уборные и холодные ретиралы. В большую перемену все ученики выходили на сокольскую гимнастику. После обеда певчие уходили на спевку, музыканты упражнялись на скрипках и духовых инструментах, а остальные ученики работали в столярной мастерской. В школе вся простая мебель сделана учениками, как-то: парты, скамейки, табуретки, столы, шкапы, верстаки; даже школьный иконостас сделан при большом участии воспитанников: красивый, дубовый, резной иконостас. Кроме того бывали сезонные работы. Осенью мы чистили школьный двор, огород, сад, рыли картофель, рубили капусту, а весной — устраивали парники, сажали картофель и пр. огородные овощи. Всего не перечислишь.

Одно только можно сказать, что в течение 50 лет эта оригинальная трудовая школа постепенно росла и процветала. В настоящее время в ней помещается ВИНУ. Все это сделано руками Яковлева и его учеников.

Пробыв 4 года в Симбирской школе, я не отучился от родной крестьянской работы, но наоборот — еще более привык к труду. Школа дала мне трудовое воспитание

V. На своем хлебе

Мы кончили курс. Каждый из нас решал вопрос о дальнейшей судьбе. В самом деле. Куда деваться? Вопрос этот я считал для себя главным. Учиться дальше или учительствовать? Но обстоятельства скоро выяснились. Яковлев предложил мне остаться при школе преподавателем пения вместо умершего И. М. Дмитриева. «Дедушка», так мы называли И. Я. Яковлева, мне сказал: «Будешь преподавать, и, между прочим, при городских условиях жизни тебе легче будет продолжать образование». Он был прав. В деревне о подобной роскоши, как образование, думать было нечего. После я в этом убедился. Перспектива остаться в Симбирске меня привлекала, и я остался.

Но при таком положении дела я должен был посвятить себя хотя бы сколько-нибудь той специальности, которую мне предложил Инспектор. Я решил: не все ли равно где и что преподавать? Будь я в сельской школе, я должен был бы преподавать в числе других предметов и пение. А здесь — иметь дело с будущими педагогами, вращаться среди своих бывших преподавателей, послушать среди них умные разговоры и усвоить приличный тон обращения — мне казалось верхом счастья. Положение свое я считал блестящим и, может быть, отчасти был прав.

Единственно чем я был недоволен в новом обществе, это бюрократический, блестящий, барский тон, против чего где-то в глубине души бунтовала моя мужицкая натура. Поэтому я заранее с предубеждением относился к людям хорошего тона и красивого внешнего лоска. Это настроение во мне поддерживали мои товарищи. Это были мои бывшие икковские учителя — революционеры Ф. Н[иколаев] и Н. Б[еляев], служившие в Симбирске под надзором начальства и известные чувашские поэты К. Иванов и Н. Васильев, исключенные из школы за революционную деятельность. Словом, моя социальная

настроенность была, по крайней мере, не на ложной линии. В кругу товарищей я пришел к убеждению о необходимости продолжить свое образование. Я заявил о своем желании И. Я. Яковлеву. Он определил меня в Симбирскую духовную семинарию, куда поступил в 4 класс.

VI. Вместе с богами

В семинарию нас из Чувашской школы поступило трое. Семинарская жизнь нам нравилась. Но науку семинарскую мы не переваривали.

Как-то после Огюста Конта мы заспорили с семинаристами о бессмертии души и о материализме. Я и мой товарищ Ильин доказывали, что ни философия, ни теософия не в состоянии опровергнуть учения материалистов о бытии. Во время спора пришел в класс преподаватель философии Б. Семинаристы закидали его вопросами. Обеспокоенный философ спросил: «В чем дело?» и предложил нам с моим товарищем изложить нашу «систему». Мы отказались, объяснив, что это был обыкновенный ученический спор. Тем не менее нас после урока позвали к ректору, который сказал нам: «Вы там со своей химией что хотите делайте, но наших семинаристов не заражайте, а то мы вас отсюда помелом».

Таким образом, не веря в семинарскую схоластику, мы три года зубрили ее. Попутно с семинарской наукой я изучил всеобщую историю, физику, историю западноевропейской литературы, историю русской общественной мысли и французский язык...

Здесь я должен сказать, что с окончанием духовной семинарии кончилось мое официальное ученичество.

VII. Проба пера

С первой ласточкой

Февральская революция застала меня учителем в одном из глухих уголков Ядринского уезда. Я хворал воспалением легких и до лета не мог принять в ней активного участия. По моему заявлению в конце мая 1917 года Чебоксарским Чрезвычайным земским собранием я был избран в мировые судьи по Чебоксарскому уезду. Я поехал во второй судебный участок в село Акулево Чебоксарского уезда.

Как теперь помню то душевное волнение, которое я пережил после вынесения моего первого приговора. Это было так. После вынесения приговора осужденный сначала помолился на образа, потом совершенно неожиданно упал мне в ноги. Я не знал, что с ним делать. В ту ночь я не спал и готов был отказаться от моей службы. Постепенно я привык к судебной работе и вошел даже во вкус: часто не без морального удовлетворения стал замечать, что творю дело общественной справедливости.

Грянула Октябрьская революция. Упразднили институт мировых судей. В январе 1918 года я сдал камеру и уехал в Казань для работы в чувашской печати. Но не успел окунуться в новую работу, как получил из Акулевского волысполкома телеграмму о том, что крестьяне Акулевской волости избрали меня народным судьей своего участка и приглашали обратно в Акулево. Я решил вернуться.

В должности народного судьи я прослужил до мая 1919 года. К тому времени упразднили Чебоксарский уездный Совет м[естных] и н[ародных] судей. Связь с Казанью была затруднительна. Жалованье платили неаккуратно. В мае месяце 19[19] года я перешел на службу в чебоксарский уездный Отдел народного образования.

VIII. С просвещенцами

Дело было весной. Колчаковские банды приблизились к Казани. Меня уговаривали не идти в Совет. Все равно, дескать, придется бежать из Чебоксар. Мне казалось невозможным больше сидеть в деревне, когда в городе предстояла более широкая деятельность. Колчака прогнали обратно, и мне в Чебоксарах в совершенно спокойной обстановке удалось организовать сельскохозяйственные и общеобразовательные курсы для уездного учительства. В продолжение курсов я организовал три чувашских концерта в пользу голодающих детей Питера и Москвы. 7 августа организовали «День Советской пропаганды». Я выпустил однодневную газету под названием этого дня.

Литературную деятельность я вообще не прекращал. Состоял постоянным корреспондентом «Канаша» и «Шурмпусь». В названных органах я печатал свои фельетоны и одноактную комедию «Сутра» (В суде). Типы для комедии я взял из моей судебной практики. Одновременно я занимался чувашским фольклором. За недостатком культурных сил приходилось браться за лю-

бое дело. К сожалению, объективные условия не давали возможности посвятить себя исключительно какому-нибудь делу.

Осенью того же года меня вызвали в Казанский Губотнароб для работы в качестве губернского инструктора. Живя в Казани, я снова имел возможность продолжать свое образование, надолго прерванное служебной и общественной деятельностью. В Казанском Северо-Восточном и Археологическом институте, где я числился студентом, я должен был сдать зачеты по тюркологии, истории политических учений, геологии, физической географии, антропологии и русскому архиву. Названными науками я занимался довольно серьезно.

IX. В свою область

Объявили Чувашскую автономную область. Я снова переехал на службу в Чебоксары. Меня назначили в областной Отдел народного образования. За время моей службы в Обоно я открыл и организовал в Чебоксарах музыкальную школу, в чем мне громадную поддержку оказал известный среди чуваш работников Т. Алексеев.

Артистической деятельности я отдавался постольку, поскольку это требовалось этикетом или культурной ситуацией создавшегося положения. В течение первых двух лет существования в области я бескорыстно пропагандировал чувашские искусства на всех партийных и советских съездах и конференциях. Мною изданы школьные сборники чувашских песен и четырехактная драма «Ялта» (В деревне) из чувашского быта, посвященная Чувашскому театру.

Педагогическая моя деятельность охватывала четыре учебных заведения в г. Чебоксарах: Центральный педтехникум, Музыкальную школу, Чувашский рабфак и Чувашскую Совпартшколу. Научные занятия я продолжаю в Обществе изучения местного чувашского края, в котором состою действительным членом. В настоящее время я работаю над диссертацией под названием: «Чуваши, их песенное и музыкальное творчество». Первый том работы закончен. Ведется подготовительная работа к изданию. Объем труда приблизительно десять печатных листов.

Низкая оплата труда и слишком огромный расход энергии в педагогической деятельности лишили меня возможности продолжать свой начатый труд. Поэтому

я решил занимать только одну какую-нибудь должность, которая могла бы обеспечить меня столько же, сколько четыре педагогических должности. По старой памяти меня больше тянуло к юридической деятельности. Первого сентября 1922 года меня утвердили членом президиума Чувашского областного Совнарсуда. Одновременно я состоял Председателем особой сессии названного Совнарсуда. С преобразованием Совнарсуда и Ревтрибунала в Облсуд я служу в настоящее время в моей должности.

Х. Три слова по поводу...

Меня могут спросить: «Как же так, Вы служите в судебном ведомстве, когда имеете склонность исключительно к культурно-просветительской работе?» На это я отвечу так. Совершенно верно. Я прежде всего культурный работник. Свою служебную деятельность в силу этого не могу ограничивать исключительно служебными рамками. Культурная работа везде необходима. У нас есть «Общество изучения Советского права». К сожалению, мы еще мало работаем в нем. Причина такой бездеятельности — большая перегруженность работаю в учреждении.

По моему глубокому убеждению, сочетать служебную, научную, литературную и общественную деятельность — это не недостаток, а скорее достоинство. Конечно, об этом я заявляю с сознанием своих чрезвычайно скромных способностей. Будем работать, пока есть силы и здоровье.

Автор просит снисхождения за шероховатости, которые произошли ввиду чрезвычайной спешности, с которой пришлось писать настоящую автобиографию.

Член Гражданского отдела Областного суда
Чувашской автономной области

Ф. Павлов

8 июня 1923 г.